

ИСКУШЕНІЯ РУССКАГО ПОЛКОВОДЧЕСТВА.

о послѣдней войны мы, въ ученіи о войнѣ, имѣли, до извѣстной степени, «свою» школу. Синтетикомъ ея признавался величавый и многогранный Лееръ, аналитикомъ—яркій и язвительный Драгомировъ, врагъ «нѣмчины».

Послѣ «печальныхъ» боевыхъ опытовъ, наши наиболѣе отвѣтственные мыслящіе военные круги нашли, что мы *не знаемъ* и *не знали*, несмотря на вліяніе уномянутыхъ знаменитыхъ учителей, очень не многого; именно—не знали, *какъ* вести «современную» войну. Конечно, только изъ уваженія къ прославленнымъ именамъ учителей, подобное незнаніе «современной» войны характеризовалось не какъ невѣжество въ военномъ дѣлѣ, а лишь какъ нѣчто «не многое», такъ, молъ, подробности; основанія же-де, заложенные учителями, правильны, но о нихъ нечего и говорить, а вотъ, подробности, подробности..., онѣ у насъ «не современны».

И началось изготовленіе, если такъ можно выразиться, стратегической вермишели: тутъ подавали—съ соусомъ и безъ соуса—и Балка, и Грипенкерля, и Альтена, и Шлихтинга, и Бернгарди и т. д., и т. д. Комментаторы нагромождались на комментаторовъ; свой боевой опытъ признавался лишь въ свѣтѣ иноземныхъ «разъяснителей». Разыгрываніе боя, этой всезахватывающей Божьей грозы, ставилось въ непосредственную зависимость отъ нѣмецкаго на него взгляда....

Вотъ, наконецъ, грянула Божья гроза.

Ученики нѣмцевъ — турки — оказались постыдно безсильны, православные балканцы, учившіеся всюду, но лишь не у нѣмцевъ получили всемірный триумфъ. «Подробности» дѣйствительнаго современнаго боя, въ существенныхъ чертахъ, представляются похожими больше на то, о чемъ намъ говорили «старые» учителя; молодые же учителя съ нѣмецкой «современной войной» — осѣклись....

Страстные поклонники нѣмцевъ стануть (и стали уже), безъ сомнѣнія, отстаивать свои научныя позиціи и указывать на «зерно истины» въ ихъ заимствованныхъ ученіяхъ; но это «зерно» еще издавна допускалось во всякихъ—даже явно ошибочныхъ—утвержденіяхъ. Сами нѣмцы, тѣ откровеннѣе, если хотите, до цинизма; они уже говорятъ, что ихъ истинные ученики—болгары!? ¹⁾. Пусть говорятъ нѣмцы. Ни имъ самимъ, ни ихъ русскимъ послѣдователямъ, *на-слово*, какъ раньше, врядъ ли кто больше повѣритъ.

Но печалень не этотъ конфузъ тевтонскихъ прорицателей и ихъ добросовѣстныхъ учениковъ. Русскій военный умъ, русское военное довѣрчивое сердце больше всего смущены тою рѣзкостью въ колебаніяхъ, какую обнаруживаетъ наша научная мысль за послѣднія 5—7 лѣтъ. Если тамъ, на верхахъ военнаго мышленія, ясно замѣчается такая неустойчивость, почти противоположность мнѣній по самымъ основнымъ вопросамъ, на протяженіи меньше десятка лѣтъ—то гдѣ же мы, простые строевые работники, почерпнемъ связующее начало для дѣйствій, какъ мы достигнемъ единства въ рѣшеніяхъ и исполненіяхъ?

Оставлятъ подобныя сомнѣвающіеся сердца и умы безъ отвѣта нельзя; это будетъ поруганіемъ «духа жива» въ военномъ искусствѣ....

¹⁾ См. въ «Internationale Revue über die gesamten Armeen und Flotten». Декабрь 1912. Supplément 165. L'Allemagne et les défaites turques dans la presse allemande....

Въ самомъ дѣлѣ, почему къ намъ не привилась никакая школа, и послѣ неудачной перемѣны военно-научнаго направленія за послѣдніе годы можно говорить не объ «единствѣ доктрины», а о томъ, что наша (какая ни на есть она у насъ была)... *доктрина ушла?*...

Отвѣтъ на это и очень сложенъ и очень простъ. Сложенъ, если захотимъ связывать его съ особенностями нашей славянской породы и ея нелюбовью къ какой-либо системѣ и т. д.... Отвѣтъ, наоборотъ, будетъ очень простъ, если признать (а это такъ ясно), что у насъ не было и нѣтъ лица, совмѣщающаго въ себѣ *дѣлателя* войны—полководца (стратега) съ *писателемъ* о войнѣ (стратегистомъ). Еще Драгомировъ въ предисловіи къ разбору Толстовской «Войны и Мира» отмѣтилъ эту нашу черту—дѣлатели войны не пишутъ о войнѣ, а пишущіе о войнѣ не дѣлали войны въ настоящемъ смыслѣ.

Военное искусство не только изобразительное искусство (какъ, напримѣръ, живопись, скульптура, драма и пр.), а и практическое искусство — искусство дѣланія, искусство подвига — побѣды.

Какъ бы ни былъ проникновененъ и остроуменъ военный писатель—его авторитетъ не создастъ прочной школы; подвиги кровавой побѣды находятся въ другой плоскости, чѣмъ подвиги пера.

Тамъ, гдѣ существуютъ ясно выраженные школы войны (военныя доктрины), во Франціи и въ Германіи, тамъ были такія личности, совмѣщающія въ себѣ и полководца и военнаго писателя. Для французовъ таковъ Наполеонъ, для нѣмцевъ—Мольтке.

Наши великіе полководцы Петръ и Суворовъ не были военными писателями. Ихъ изреченія, дошедшія до насъ, немногочисленны и частью подлежатъ сомнѣнію. Строить какое-либо ученіе на этихъ обрывкахъ великополководческой мысли—задача неисполнимая; своей «отсебятины» потребуется добавить больше, чѣмъ имѣется въ распоряженіи подлиннаго великополководческаго. Меньше такихъ изреченій осталось послѣ Суворова. «Пудра шута», снятая съ него нынѣ историками, открыла великую русскую военную личность, но школа Суворовская превратилась въ Драгомировскую. Кто знаетъ, будь Драгомировъ допущенъ до верховъ военнаго управленія, можетъ быть эта школа неизгладимо пронизала бы всю войсковую толщу, и тогда мы имѣли бы своего русскаго Мольтке, т. е. того человѣка, который создалъ бы стратегію

не какъ курсъ «писанныхъ» наукъ, а какъ захватывающую сверху до низу *дѣятельную, обязательную мысль* о наилучшей защитѣ государства въ строгомъ соотвѣтствіи съ волею Монарха и съ особенностями страны ²⁾; эта дѣятельная мысль и была бы школой прочной, неотвязной, поколебать которую никакимъ нѣмецкимъ переводомъ было бы нельзя.

Но Драгомировъ все время оставался лишь частнымъ начальникомъ.

Послѣ Петра письменныхъ слѣдовъ его великополководческой души осталось больше. Комментатора, такой величины, какъ Драгомировъ, къ мыслямъ Петра мы не имѣемъ. То единство доктрины, которое такъ хочется намъ установить, у великаго Петра достигалось простымъ, нѣсколько грубымъ, но дѣйствительнымъ путемъ, очень для теперешняго разброднаго времени поучительнымъ: въ Петровскомъ Артикулѣ нарушеніе основныхъ правилъ полководчества каралось наказаніями. Артикулъ былъ — чѣмъ хотите — тактикой, полевымъ уставомъ, гдѣ вмѣстѣ съ утвержденіемъ воинскаго правила приводилась степень наказанія за нарушеніе этого правила. Это не то, что теперь, когда тактика, въ сущности, не обязательна; за нарушеніе ея нѣтъ юридической кары, да и за нарушеніе полевого устава, по правдѣ говоря, нельзя отдать подъ судъ. Тѣ же преступленія, которыя караются воинскимъ закономъ, не имѣютъ почти ничего общаго ни съ тактикой, ни съ полевымъ уставомъ.

Вотъ эта «артикульная» доктрина — единственная у насъ, установленная лично великимъ полководцемъ, но, конечно, давно забытая нынѣ.

Школа чистаго, не воевавшего совсѣмъ, стратега Леера — она принималась всегда не въ самостоятельномъ значеніи, а во взаимодействіи съ Драгомировской, составляла одну, такъ называемую, русскую; но эта Лееровская половина школы дальше академіи не шла, такъ же какъ и служебная дѣятельность Леера.

И это въ то время, когда во Франціи, на плодотворной почвѣ Наполеоновскихъ твореній, расцвѣтало новое знаніе — проникновеніе въ душу великаго полководца, корсиканца, императора Франціи, узника. Тамъ, въ этой странѣ прославленныхъ новаторовъ, оказалось недостаточнымъ существованіе «учебной» академіи

²⁾ У Мольтке, въ его работахъ, такая согласованность прежде всего поражаетъ тѣхъ, кто съ нимъ знакомится.

(или *école supérieure de guerre*) и создалось новое «научное» военное учреждение—*Centre des hautes études militaires*, гдѣ совершенно отсутствуетъ неизбѣжная схоластика преподаванія, и объединяются взгляды начальниковъ на высшее командованіе войсками ³⁾...

Такъ, какъ же быть, спросить читатель? Доктрина ушла...

Первый путь, который, въ цѣляхъ объединенія взглядовъ на боевыя дѣйствія, намѣчается изъ только что сказаннаго, это опредѣленіе въ полевомъ уставѣ кары за неисполненіе тѣхъ или иныхъ правилъ устава. Какъ ни общъ въ своихъ указаніяхъ нашъ уставъ, однако, въ немъ все же есть такія статьи, за нарушеніе которыхъ можно, безъ ущерба справедливости, сразу опредѣлять очень суровыя наказанія. Такъ, напримѣръ: 1) за неисполненіе § 9-го Полевого Устава: «Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ: поэтому всѣ начальники должны своевременно ознакомлять своихъ непосредственныхъ подчиненныхъ съ тѣмъ, что и съ какой цѣлью предстоитъ дѣлать»,—въ мирное время пониженіе на одинъ чинъ, а въ военное время—разжалованіе въ рядовые. 2) За неисполненіе § 74-го: «Войдя въ соприкосновеніе съ непріателемъ, разъѣздъ долженъ наблюдать за нимъ *неотступно*»—въ мирное время офицеры разжаловаются въ рядовые, а нижніе чины подлежатъ отдачѣ на три года въ дисциплинарный баталіонъ; въ военное время—смертная казнь. Такія же самыя наказанія налагаются и за неисполненіе слѣдующихъ §§ полевого устава: 3) пункта 4-го § 171: Назначеніе сторожевого охраненія... «Не допускать возможности обстрѣла охраняемыхъ войскъ артилерійскимъ огнемъ» и т. д. и 4) послѣдняго абзаца § 461-го: «Связь (въ бою) между пѣхотою и артилеріей устанавливается распоряженіемъ артилерійскихъ начальниковъ, связь конницы съ пѣхотою—распоряженіемъ кавалерійскихъ начальниковъ».

И многія другія статьи устава можно редактировать такимъ образомъ, чтобы все, въ уставѣ указываемое, являлось *непреложнымъ*, нашей *русскою доктриной*, для всѣхъ обязательной подъ страхомъ наказанія. Петръ, вводя «артикуль», зналъ что дѣлалъ. Не только тогда, въ его время, но и нынѣ, кто изъ нашихъ начальниковъ будетъ исполнять разныя хорошія тактическія правила писателей и профессоровъ, когда, дай Богъ, справится съ указа-

³⁾ Между прочимъ, болгарскій уставъ для боевыхъ дѣйствій почти полностью заимствованъ отъ французскаго.

ніями, даваемыми со стороны своихъ прямыхъ начальниковъ! И полевой уставъ не въ большой чести потому, что за неисполненіе его наказанія не установлено, а страхъ «аттестаціоннаго» порядка связывается, обыкновенно, не съ «полевымъ уставомъ», а со всѣмъ укладомъ жизни командуемой части, гдѣ чуть ли не сотою долюю входитъ сей злосчастный уставъ.

Это предложеніе—вести кару за неисполненіе тактическихъ положеній полевого устава—не шутка. Этотъ путь вкорененія единства доктрины нѣсколько грубоватъ, но онъ въ нашихъ нравахъ. Лишь тогда поймутъ, насколько важно единство взглядовъ и приемовъ для боевыхъ дѣйствій.

Второй путь для установленія единства взглядовъ, это подчиненіе одному авторитету, одному лицу, дающему указаніе, иначе говоря, созданіе своего Мольтке; путь трудный, какъ потому, что не захотятъ слушать, такъ и потому, что никто, по крайней мѣрѣ, до сей поры, не беретъ на себя смѣлости стать на вакантный (послѣ М. И. Драгомирова) постъ авторитета. Самъ Мольтке сталъ авторитетомъ не сразу, со времени назначенія начальникомъ генеральнаго штаба, а лишь послѣ 3 выигранныхъ кампаній. Даже во время хода Франко-германской войны многіе старшіе начальники съ неуваженіемъ относились къ этому датчанину на прусской службѣ, къ этому «проходимцу», презрѣвшему старыхъ прусскихъ мастеровъ военного дѣла и писателей, и обратившемуся и обращавшему всѣхъ къ изученію «ненавистнаго» Наполеона.

Наконецъ, есть третій путь: созданіе такого же «центра высшихъ военныхъ наукъ», какъ во Франціи, съ развѣтвленіемъ этого центра на наиболѣе своеобразныхъ изъ нашихъ окраинъ (на Дальнемъ Востокѣ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ), гдѣ мѣстныя условія требуютъ совершенно иного способа борьбы, чѣмъ на европейскомъ театрѣ. Пусть такой «центръ наукъ» будетъ при «учебной» военной академіи, какъ и во Франціи при «*école supérieure de guerre*», или, можетъ быть, при академіи наукъ, какъ ея особое отдѣленіе, но необходимо, такъ или иначе, создать ячейку, гдѣ бы въ той или другой мѣрѣ разрѣшались сомнѣнія, которыхъ нынѣ накопилось чрезмѣрно много. Въ этотъ центръ наукъ должны привлекаться какъ люди, испытанные на поприщѣ «писанныхъ» военныхъ наукъ, такъ и люди «не писанныхъ» таковыхъ же наукъ на боевомъ полѣ; у насъ много тѣхъ и другихъ дѣятелей; часть изъ нихъ занята своимъ прямымъ дѣломъ, но есть и свободные до из-

вѣстной степени; да и занятые усиленной служебной работой не откажутъ въ своихъ указаніяхъ, въ своихъ поправкахъ къ тѣмъ основнымъ правиламъ, какія необходимо устанавливать «центру наукъ».

Жизненность «центра наукъ» у насъ будетъ достигнута только при его тѣсной связи съ упомянутыми уже мѣстными отдѣлами въ далекихъ округахъ. Тамъ необходимы маленькія военныя академіи ⁴⁾ со своимъ кадромъ слушателей и съ отдѣленіемъ «центра наукъ». Для службы въ этихъ округахъ высшее военное образованіе должно сопровождаться отчетливымъ знаніемъ мѣстныхъ особенностей края, чего не можетъ дать «одна» военная академія въ Петербургѣ. А изучить эти особенности, какъ говоритъ опытъ, не такъ-то легко. Мѣстное отдѣленіе центра наукъ будетъ представлять въ общій центръ цѣнныя данныя о мѣстныхъ особенностяхъ, которыя тамъ будутъ обсуждаться съ общей точки зрѣнія и такъ или иначе будутъ приняты во вниманіе при общихъ рѣшеніяхъ въ вопросахъ борьбы. Такимъ образомъ, посредствомъ взаимнаго обмѣна можетъ выработаться наша «русская» стратегія или общее положеніе о борьбѣ на нашихъ границахъ, и «русская» тактика—или способы веденія боевъ—сраженій, въ зависимости отъ особенностей различныхъ театровъ борьбы.

Какой изъ приведенныхъ трехъ путей лучшій для установленія единства взглядовъ на военное дѣло у насъ—пусть судятъ читатели. Кажется, слѣдовало бы воспользоваться сразу всѣми ими тремя: 1) установить кару за нарушеніе тѣхъ или иныхъ статей полевого устава; 2) за отсутствіемъ своего Мольтке, въ ожиданіи его, слушать то, что говорилъ учитель методичнаго нѣмецкаго стратега Наполеонъ въ своей Correspondance и 3) создать такой способъ обученія всевному дѣлу, чтобы не отдѣлять практики отъ теоріи, тв ердо памятуя, что въ военное время и та и другая сливаются въ одно.

Н. Нудрябцевъ.

⁴⁾ Опыты въ этомъ смыслѣ дѣлались и. можетъ быть, дѣлаются и нынѣ въ нѣкоторыхъ округахъ.